

ГЕНЕРАЛ Н.Н. РАЕВСКИЙ В 1814 ГОДУ

После Лейпцигского разгрома Наполеон бежал за Рейн с остатками своей армии. Один из его противников, внесший большой вклад в его поражение¹, генерал Н.Н. Раевский временно выбыл из строя вследствие полученной раны и в течение месяца находился на излечении в Веймаре. В декабре 1813 г. он прибыл в Швейцарию, но находился не у дел, ожидая назначения и проводя время в беседах с адъютантом К.Н. Батюшковым.

Замечательный русский поэт оставил одну из самых колоритных характеристик Раевского. Она содержится в записных книжках 1817 г. и впервые опубликована только в 1887 г. «Про Раевского набрать не много, – отмечает автор. – Он молчалив, скромн отчасти. Скрыт. Недоверчив: знает людей, не уважаем ими. Он, одним словом, во всем контраст Милорадовичу, и, кажется, находит удовольствие не походить на него ни в чем. У него есть большие слабости и великие военные качества... Раевский славный воин и иногда хороший человек – иногда очень странный». В обычное время генерал не производил особенного впечатления, но с близкими людьми он раскрывался: «Раевский очень умен и удивительно искренен, даже до ребячества, при всей хитрости своей... Он вовсе не учен, но что знает, то знает. Ум его ленив, но в минуты деятельности ясен, остер. Он засыпает и просыпается». Но «в опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, и благородная осанка его поистине делается величественною»². Батюшков склонен был даже признать Раевского лучшим из современных ему генералов.

В отсутствие Раевского гренадерский корпус пришел в упадок. Новый командующий князь В.С. Трубецкой не пользовался авторитетом и полностью запустил управление войсками. М.Б. Барклай де Толли сделал ему пространное внушение и предупредил: «Я вынужден буду отказать вам от команды, как начальнику, который не может удерживать подчиненных своих в должном повиновении»³.

¹ См.: Епанчин Ю.Л. Генерал Н.Н. Раевский в Лейпцигском сражении // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конференции. М., 2001. С. 39–43.

² Батюшков К.Н. Соч. М., 1989. Т. 2. С. 37–39.

³ Война 1813 года: Материалы ВУА. СПб., 1914. Т. 1. С. 272–273.

В связи с этим прибытие Раевского давало возможность главнокомандующему решить вопрос без лишних трений. Устранение Трубецкого можно было трактовать как возвращение командования прежнему начальнику. Раевский выехал из Веймара во Франкфурт во второй половине ноября. Но Главная квартира уже переехала во Фрейбург. Пробыв несколько дней во Франкфурте, Раевский отправляется туда. А.А. Закревский писал 18 декабря: «Раевский вчера прибыл из Веймара и не знает еще своего назначения». Через два дня подошел Барклай с гренадерами и назначение состоялось⁴.

Между тем готовилась новая кампания. Коалиционеры собирались вторгнуться во Францию через Швейцарию. В связи с этим ставка союзников была переведена в Базель. Прибыл туда и Раевский. Для нападения были подготовлены значительные силы. Главная армия под командованием К.Ф. Шварценберга насчитывала 198 тыс. человек. Силезская армия Г.Л. Блюхера, произведенного за Лейпциг в фельдмаршала, – 96 тыс. Готовилась к походу и 180-тысячная Северная армия Ж.Б. Бернадота, но реального участия в боевых действиях она не приняла. Всего же совокупные силы союзников насчитывали до 900 тыс. солдат и более 2000 орудий⁵. Наполеон смог собрать не более 160 тыс., но и эти силы были разбросаны по различным гарнизонам, так что реально французский император часто противостоял армиям вторжения только с 50-тысячным отрядом.

1 января 1814 г. (по новому стилю) вторжение началось. «Мы перешли Рейн, мы во Франции, – писал Батюшков. – Вот как это случилось: в виду Базеля и гор, его окружающих, в виду крепости Гюнинга мы построили мост, отслужили молебен со всем корпусом гренадер, закричали «ура!» и перешли за Рейн»⁶. Продвижение развивалось медленно, союзники расположились в Эльзасе, оккупировали его и занялись осадой крепостей. Раевскому было поручено блокиро-

⁴ Архив князя Воронцова. М., 1891. Кн. 37. С. 244.

⁵ История русской армии и флота. М., 1911. Т. 4. С. 123.

⁶ Батюшков К.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 266–267.

вать город Бельфор, который до того осаждал корпус генерала Ф. Бианки. Занятие это не доставляло Николаю Николаевичу никакого удовольствия. «Войско было тогда в совершенном бездействии, и время, как свинец, лежало у генерала на сердце. Он курил, очень много по обыкновению, читал журналы, гладил свою американскую собачку»⁷.

В конце концов союзники решили приступить к решительным действиям. Осада крепости была поручена австрийцам, в подкрепление которым был оставлен отряд из трех гренадерских полков и кавалерии под командованием П.Н. Чоглокова. Корпус Раевского вслед за остальной армией двинулся вперед. До конца января войска продвигались, не встречая сопротивления. Опасения народных восстаний против оккупантов, которым предавались завоеватели, постепенно рассеялись. Население Франции было измучено двадцатилетним деспотическим правлением Наполеона, непосильными налогами. Селения обезлюдели в результате бесконечных войн, уносивших все трудоспособное мужское население.

Александр I хорошо понимал, что обострение отношений с местным населением грозит армии серьезными осложнениями. Поэтому он неоднократно издавал строгие распоряжения о недопустимости притеснений жителей войсками. Более того, начальникам запрещалось пользоваться какими-либо продуктами без предварительной оплаты. Мародерство решительно пресекалось, замеченные в грабежах или воровстве расстреливались перед строем. Именно русская армия отличалась высокой дисциплиной во Франции. Союзники вели себя по-другому. В восточных французских департаментах австрийцы установили жесткий оккупационный режим, чем довели дотле пассивных жителей до открытых выступлений. Но особенно воинственно были настроены пруссаки. Они разоряли целые селения, издевались над французами, жестоко мстили им.

Впрочем, и в русской армии вынуждены были обходить предписания императора, поскольку снабжение войск осуществлялось из рук вон плохо. Поставки снарядов и амуниции производились союзниками и велись крайне нерегулярно «по причине размещения их по разным армиям, где они состояли в ведении иностранных начальников, не имевших прямой обязанно-

сти заботиться об их внутреннем благосостоянии. Часто бывали ощущаемы недостатки в снарядах и разного рода амуниции, не от неимения их в складочных местах позади армии, но от невозможности доставлять их войскам. Граф Барклай де Толли не был при корпусах и не мог знать о предписаниях и назначениях, мимо него посылаемых к ним. По части продовольствия союзники также мало содействовали русским и нередко оказывали совершенное равнодушие к нашим нуждам»⁸. Официальная история не упоминает о фактах казнокрадства в русском интендантском ведомстве, которое тогда приложило руку к бедственному положению армии. Размеры хищений оказались настолько велики, что после войны военный министр А.И. Горчаков был привлечен к суду.

В этих условиях военачальники либо вынуждены были мириться с тем, что их солдаты оставались голодными и теряли боеспособность, либо прибегать к незаконным реквизициям. Известно, что И.Ф. Паскевич часто забирал продукты у местных жителей, оставляя им долговые расписки.

В первые недели после вторжения военных действий не было. Н.И. Лорер вспоминал: «Мы шли форсированным маршем во внутренние области Франции. О Наполеоне и об его армии ничего не было слышно. Путь наш лежал в Шампань, через город Лангр. Позднее осеннее время и дождливая погода чрезвычайно затрудняли наш поход. От самого города Лангра мы стали делать разные марши и контрмарши – двигались то вперед, то назад – и поэтому догадывались, что неприятель должен быть близко»⁹.

С прибытием к армии Наполеон немедленно открыл боевые действия. Началась феноменальная кампания, которую называют «блестящей со стратегической точки зрения, но политически безнадежной»¹⁰. Великий полководец 18 января нанес сокрушительное поражение корпусам Г.Л. Блюхера у Бриенна. Город, в котором прошла юность Наполеона Бонапарта, был освобожден от пруссаков. «Враг, чтобы затруднить преследование со стороны французов, – писал император Марии-Луизе, – предал огню боль-

⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году // Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. 7. С. 13.

⁹ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 299.

¹⁰ Тарле Е.В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 332.

⁷ Там же. С. 36–37.

шую улицу, которая была наиболее красивой улицей города. Почти не было граждан, которые не подверглись бы личному насилию во время короткого пребывания врага»¹¹.

Наконец, 20 января с Наполеоном встретилась и Главная армия. Стояла холодная погода, моросил промозглый дождь. «Будучи совершенно здоров, я мерз, как кочерыжка, во Франции (Раевский был тому свидетель)», – вспоминал Батюшков¹². В этих условиях К.Ф. Шварценберг решил дать сражение французам. Несмотря на четырехкратный численный перевес австрийский фельдмаршал чувствовал себя неуверенно и битва свелась к постепенному вытеснению французов с позиции у местечка Ла-Ротьер, недалеко от Бриенна. Решительного перевеса союзникам добиться не удалось. Наполеон неоднократно переходил в атаку, для отражения одной из которых Раевский, находившийся в резерве, выделил 2-ю гренадерскую дивизию.

Видя, что с такой массой войск противника ему не справиться, Наполеон добровольно покинул поле сражения и перенес боевые действия против Силезской армии Блюхера и вскоре в течение пяти дней практически разгромил ее в сражениях под Шампобером, Монмирайлем, Шато-Тьерри и Вошаном. Разбив Блюхера в долине Марны, Наполеон обратился вновь к Главной армии, наступавшей вдоль реки Сены. Таким образом, «он провел два месяца в непрерывных быстрых переходах от Сены к Марне и от Марны к Сене». Неумной энергией императору удалось поддерживать высокий дух войск. «Армия сражалась с беззаветной храбростью, и надо ей отдать справедливость – она это делала из чувства чести»¹³.

Военный гений Наполеона, казалось, мог совершить чудо. Уверенными и быстрыми маневрами, а также ценой чрезвычайного напряжения («в это время французской армии каждый день приходилось выдерживать по сражению, а часто даже и по несколько в разных местах»¹⁴), французский император в очередной раз внес панику в ряды союзников и заставил их задуматься о мире. Узнав о поражении авангарда при Морма-

не и Монтеро, Шварценберг немедленно приказал отступить. Этот «маневр» походил на откровенное бегство. Прапорщик Семеновского полка И.М. Казаков вспоминал, что, «отступая, мы не успевали варить пищу и по той же дороге опять дошли до Лангра и Везуля»¹⁵. Военный историк М.И. Богданович вынужден был признать, что отступление совершено «так поспешно, как будто бы дело шло о спасении армии после проигранного сражения. Войска, двигаясь по опустошенной стране и терпя недостаток в жизненных припасах, теряли уверенность к своему вождю, и благоустроенная армия едва не превратилась в дикую орду, необузданную – ни чувством долга, ни дисциплиною»¹⁶.

Корпус Раевского в составе резерва проделывал бесконечные утомительные марши, ни разу не вступив в сражение. Но в судьбе начальника гренадеров произошло изменение. 15 февраля в сражении при Бар-сюр-Об получил ранение командующий русским авангардом в Главной армии генерал П.Х. Витгенштейн. В состав отряда Витгенштейна входило два корпуса (князя А.И. Горчакова и принца Евгения Вюртембергского, усиленные кавалерией). Общая численность авангарда доходила до 21066 человек при 56 орудиях¹⁷. В некоторых источниках этот отряд назывался «армией».

Назначение на место Витгенштейна было для Раевского несомненным повышением, признанием его заслуг. Кроме того, теперь его части находились в непосредственном соприкосновении с неприятелем, что радовало сердце боевого генерала. В момент получения известия о новом назначении Николай Николаевич находился в окрестностях замка Сирей, где долго жил Вольтер. Генерал так и не посетил это историческое место, несмотря на стихотворное приглашение А.А. Писарева:

Сотрудник Россаго Арея,
На время отложи свой гром...
Почтенна тень жреца Сирея,
Кто начудесил столь пером
И был любезен столько миру,
Зовет тебя в свой сельский дом
Принять его забвенну лиру!..

¹¹ Oeuvres de Napoleon Bonaparte. P., 1822. T. 1. P. 234–235.

¹² См.: Фридман Н.В. Проза Батюшкова. М., 1965. С. 76.

¹³ Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 118.

¹⁴ Записки Г. Буриенна, государственного министра, о Наполеоне. СПб., 1835. Т. 5. Ч. 9. С. 326.

¹⁵ Казаков И.М. Поход во Францию 1814 года // Русская старина. 1908. Т. 3. Кн. 38. С. 530.

¹⁶ Богданович М.И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 267.

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 10–11.

Храм славы настезь для тебя:

Ты в нем, как в доме у себя¹⁸.

В это самое время Раевский получил приказ о новом назначении. Не теряя ни минуты, взяв с собой адъютантов, он отправляется в путь. «Мы проехали через Шомон на Троя, – писал Батюшков. – По дороге скучной и разоренной на каждом шаге встречали развалины и мертвые тела». Уже на следующий день, 3 марта, Раевский выдержал бой между Нанжисом и Провинсом. Днем позже вновь, «следуя общему движению, отступили и опять по дороге к Троя»¹⁹. В одном из столкновений был захвачен в плен адъютант Раевского Л. В. Давыдов. Стойкое поведение этого офицера послужило темой для стихотворения Батюшкова «Пленный».

7 марта корпуса Раевского стояли у Мери и Пон-сюр-Сен. В этот день была составлена диспозиция, согласно которой союзники предпринимали наступление. Отряду Раевского назначалась роль авангарда. Ему надлежало переправиться через реку Барбюйса и атаковать французов в городке Арсис-сюр-Об. На следующее утро, обещавшее холодный, ясный день, войска двинулись из Труа. К вечеру авангард завязал бой у деревни Торси. Перестрелка продолжалась до ночи. Остальные войска не успели подойти, и только дивизия Чоглокова поддержала Раевского. Основные события развернулись уже 9 марта.

С утра Наполеон и Шварценберг стягивали свои силы к Арсису. Главный штаб союзников в очередной раз переписал диспозицию, и войска Раевского были переведены на левый фланг. Авангард Раевского под начальством графа П.П. Палена захватил господствующую высоту, на которой немедленно установили батарею. Французы, загнанные в Арсис, оказались прижатыми к болотистому берегу реки. «Чем ближе союзники подходили к городу, тем более сгущались массы их войск; их батареи, также сближаясь между собой, составили непрерывную огненную дугу, огибающую город с левого берега Обы»²⁰.

Несмотря на выгоды позиции и численное превосходство, Шварценберг не предпринимал активных действий. Только заметив отступательные движения Наполеона, начавшего переправу в виду противника, подали сигнал к атаке. Пер-

вым выступил корпус Раевского, остальные войска равнялись по его движениям.

Французы очистили Арсис, переправившись через Обу без особых осложнений. Корпуса Раевского первыми подошли к переправе, преодолевая постоянное сопротивление кавалерийских отрядов. На их долю приходилась основная часть потерь союзной армии (около 500 человек).

Русские военные историки (А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович) представили дело при Арсис-сюр-Об в качестве выдающегося сражения, изменившего ход войны. Оснований для подобной оценки нет. Союзники действовали удачно, но не более того. Французская армия не только не была разгромлена, но и не понесла существенного урона. Ход войны изменился не вследствие вытеснения противника из Арсиса, а ввиду того решения, которое принял Наполеон на следующий день.

Смелый план французского императора основывался на анализе поведения союзного командования. «Он полагал, что неприятельские войска, изнуренные болезнями и находившиеся под угрозой открытого восстания лотарингских и эльзасских крестьян, которые уже начали убивать отставших солдат, – войска, у которых к тому же почти полностью иссякли боевые припасы и провиант, неминуемо вынуждены будут отступить по всей линии»²¹. Наполеон замыслил устроить им ловушку и с основными силами отправился в тыл союзников.

После сражения у Арсиса, по свидетельству Батюшкова, «Наполеон пропал со всей армией»²². Но, как оказалось, великий полководец обманул сам себя. Александр I получил точные сведения о направлении его движения и даже приглашение из французской столицы от самого Ш.М. Талейрана, уверявшего, что союзников ждут. «Скоро в военном ареопаге, благодаря совету П.М. Волконского и энергической воле Государя, решено было не поддаваться на удочку, закинутую ловким рыбаком, а идти твердо, всеми силами, на столицу Франции. Ему оставлен на приманку немногочисленный отряд, который своими усиленными бивуачными огнями должен был представить декорацию большого корпуса, готового дать неприятелю сражение»²³.

¹⁸ Писарев А.А. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. М., 1817. Ч. 2. С. 425.

¹⁹ Батюшков К.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 270.

²⁰ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 409.

²¹ Стендаль. Указ. соч. Т. 14. С. 119.

²² Батюшков К.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 270.

²³ Лажечников И.И. Собр. соч. М., 1994. Т. 6. С. 557.

Для русских воинов наступил заключительный акт тяжелой борьбы, не прекращавшейся с 1812 года. Три месяца войны во Франции были особенно изнурительны. К.Н. Батюшков писал впоследствии П.А. Вяземскому: «С тех пор, как мы переступили за Рейн, ни одного дня истинно покойного не имел. Беспрестанные марши, биваки, сражения, ретиреды, усталость душевная и телесная, одним словом, вечное беспокойство»²⁴. Не легче было и самому Раевскому. За весь период кампании он не смог написать ни одного письма родным! Сама война, вероятно, вызывала у него раздражение. Армия не столько боролась с противником, сколько должна была заботиться о благополучии монархов с их высокопоставленной свитой и дипломатическим корпусом. Можно было подумать, что армия тащит на своем горбу в дополнение ко всему еще и три огромных дворца. Многочисленная придворная «бестолочь» вызывала всеобщее раздражение. «Солдатам вообще на походе надоедали экипажи сановников, особенно не боевых, для которых надо было расступаться целым колоннам корпусов»²⁵.

Поэтому известие о решительном наступлении было воспринято с воодушевлением. Войска стремительно двинулись вперед, собираясь всякого смести со своего пути. Наполеон только 14 марта, разбив под Сен-Дизье корпус Ф.Ф. Винцингероде, узнал о движении союзных армий и бросился в погоню. Но было уже поздно.

На пути союзников оставались только корпуса маршалов О.Ф. Мармона и Э.А. Мортье, насчитывавшие не более 22 тыс. человек. 13 марта при Фер-Шампенуазе они попытались преградить путь обрушившейся на них лавине. А.К. Карпов, служивший тогда подпоручиком в артиллерии, вспоминал: «Мармон, заняв пред нами высоты и своей артиллерией на сей первой позиции расстроил весь фронт нашей линии, некоторые наши кирасирские полки совершенно расстроились и отступили в беспорядке, однако другие полки, заходя неприятелю с боку, принудили его оставить свою позицию. Мармон отступил на другую и таким же образом отразил. Наконец, видя превосходство нашей артиллерии, начал ретироваться, при отступлении своем теряя артиллерию, зарядные ящики и обоз»²⁶.

²⁴ Арзамас. М., 1994. Кн. 1. С. 223.

²⁵ Лажечников И.И. Указ. соч. Т. 6. С. 557.

²⁶ Записки полковника А.К. Карпова // Труды Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1910. Кн. 1. С. 45.

Окончание боя предопределило, согласно Богдановичу, вмешательство стихии: «В продолжении шести часов неприятели, видя против себя только кавалерию, надеялись, несмотря на понесенные ими потери, отступить в порядке к Фер-Шампенуазу, но в довершение их расстройств внезапно поднялся сильный восточный ветер. Французы, сперва ослепленные пылью, а потом пораженные в лицо проливным дождем с градом, лишились возможности отражать атаки; пехота с замокшими ружьями отбивалась штыками»²⁷. Михайловский-Данилевский подчеркивал, что «Фер-Шампенуазское сражение достопримечательно тем, что было ведено нами на марше, без всякого предварительного распоряжения, одною конницею против двух неприятельских корпусов»²⁸. Не намереваясь оспаривать вывод историка и очевидца событий, заметим только, что в патенте, выданном поручику Шишкину, «по засвидетельствованию генерала от кавалерии Раевского», указано, что данный офицер награждается орденом за храбрость, проявленную в том числе и в сражении под Фер-Шампенуазом²⁹. Вряд ли Николай Николаевич стал бы награждать кого-либо незаслуженно. Поэтому, вероятно, в тот день в бою приняла участие и пехота.

Скорее всего, военный историк имел в виду второе сражение 13 марта, когда две дивизии французов проскочили в тыл союзников и оказались вблизи императорской ставки. Эти войска вечером, действительно, были окружены и разгромлены русской конницей. Корпус Раевского тогда, ввиду возникшей опасности, был отозван П.М. Волконским для охраны Александра I, после чего «пехота Раевского бегом шла на выстрелы», но не успела к окончанию сражения³⁰.

Французы в этом бою только пленными потеряли 3000 человек, включая двух генералов. В честь этой победы на следующий день был устроен торжественный смотр. Н.П. Ковальский вспоминал, что «после Шампенуазского смотра мы прямо с парада пошли в дело против маршала Мармона»³¹. Корпус Раевского шел в авангар-

²⁷ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 480–481.

²⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 7. С. 223.

²⁹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 459.

³⁰ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 487.

³¹ Из записок покойного генерал-майора Н.П. - Ковальского // Русский вестник. 1871. Т. 91. С. 111.

де. Французы не решались противостоять открыто, и вплоть до самого Парижа сражений не было.

Улучив свободную минуту, Раевский с марша отправляет короткую записку жене: «Дважды разбив французов, мы в 50 верстах от Парижа, который я надеюсь увидеть послезавтра. Наполеон с 50 тыс. человек отправился с намерением нас обойти, думая напугать, а мы идем в Париж, в то время как он во многих днях пути позади нас. У него буде всего от 60 до 70 тыс., а мы все имеем 200 тыс. Прощайте, мой друг, я вас всех обнимаю. Я, сыновья и братья, мы все себя чувствуем прекрасно»³².

Битва за столицу Франции началась 17 марта. Союзники переправились через Марну и подошли с востока к предместьям Парижа. Мармон попытался организовать сопротивление в Бондийском лесу. Сражавшиеся там пруссаки были остановлены на несколько часов. Подход войск под командованием Раевского решил дело, лес был очищен артиллерией и пехотой, и, как отмечал Батюшков, «мы ночевали в Нуази перед столицей»³³.

Основная схватка развернулась 18 марта. Мармон и Мортье были подкреплены отрядами национальной гвардии и тыловиками. Французские солдаты сражались отчаянно. Их противникам буквально каждый шаг давался с трудом. Общая численность оборонявшихся доходила до 40 тыс. человек. Силу союзных армий в среднем определяют в сто тысяч штыков и сабель. Основные события развернулись в районе селений Роменвиль и Пантен, где действовал Раевский, в распоряжении которого было 16 тыс. человек и 53 пушки.

Еще накануне Николай Николаевич предусмотрительно выдвинул вперед дивизию Б.Б. Гельфрейха. Именно ему принадлежала честь начать кровопролитное сражение за Пантен. Противники постоянно подтягивали к этому пункту свежие силы, разворачивали артиллерийские батареи. Гельфрейх получил тяжелую контузию в голову, его дивизия готовилась отступить, но в это время были введены в дело войска принца Вюртембергского. Деревня была взята.

Одновременно разгорелся бой за Роменвиль. Ввиду господствующего положения этой местности занятие роменвильского холма было необходимым, так как расположенные там бата-

реи наносили наступающим большой вред и препятствовали развертыванию их артиллерии. Атаку на Роменвиль возглавили лично Раевский и А.И. Горчаков. В их распоряжении была 5-я пехотная дивизия и кавалерия графа П.П. Палена общей численностью до 4000 штыков и сабель. Противник, занимавший Бриерский парк, принял контратаку и остановил продвижение Раевского. Но вслед за тем, около 11 часов, 4-й и 34-й егерские полки обошли французов слева и прорвались в парк. Оба командира полков (Степанов и Русинов) пали на поле боя, но ряды противника дрогнули, и Раевский вновь перешел в наступление, вовремя подкрепленный гренадерской бригадой Н.С. Сулимы. Французы вновь были загнаны в Бриерский парк. Раевский развернул пехоту в стрелки и успешно препятствовал новым попыткам неприятеля вырваться оттуда.

Оставив в этом месте заслон, Раевский с помощью подоспевших гренадеров двинулся налево, в сторону Баньоле. Однако ему не доставало сил развить наступление. Вскоре он получил распоряжение Барклая де Толли прекратить движение и укрепиться на удобной позиции. Барклай решил не рисковать передовыми отрядами, подтянуть все наличные силы, установить на решающих пунктах артиллерию и скоординировать предстоящую атаку с действиями армии Блюхера против правого крыла французов.

Принятое Барклаем решение позволило Раевскому вновь собрать свои силы в единый кулак, не распыляя их на отдельные стычки, так как до этого «большая часть полков корпуса Раевского была рассыпана в цепи стрелков, сражавшихся в садах, виноградниках и парках»³⁴. После двухчасовой перегруппировки сил Барклай приказал возобновить наступление. Корпус Раевского был усилен гренадерским корпусом, новым командующим которого считался граф К.О. де Ламберт. Об участии Ламберта в боевых действиях сведений не сохранилось, поэтому правильнее будет предположить, что гренадеры фактически поступили в распоряжение их прежнего начальника.

Наступление развивалось стремительно. «2-я гренадерская дивизия, будучи отряжена к отряду генерала от кавалерии Раевского, получила от него приказание, чтобы поспешнее занять высоты Баньоleta, и, пройдя селение, подкрепить корпус принца Вюртембергского». Корпуса Раевского и Евгения Вюртембергского двигались

³² 1812–1814. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. М., 1992. С. 242.

³³ Батюшков К.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 270.

³⁴ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 536.

к Бельвилю по сходящимся направлениям (первый – слева, от Баньоле, второй – справа, от Пантена). Однако войска Раевского продвигались гораздо быстрее.

Баньоле был захвачен с ходу, и русские отряды устремились к селению Мениль-Монтан. Попытки противника организовать сопротивление были немедленно устранены благодаря быстро установленным артиллерийским батареям. После штыковой атаки Мениль-Монтан был очищен от неприятеля. Вскоре такая же участь постигла и Бельвиль. На высотах вблизи Парижа спешно устанавливалась русская артиллерия, ядра стали достигать самой столицы. Раевский уже был готов перенести бой на территорию города. «Ничто не могло удержать стремления гренадер. Разбитый и отчаянный неприятель бежал стремглав перед ними и едва мог спастись за самими заставами своей столицы, при которых получили мы приказ прекратить наше поражение»³⁵.

На следующий день союзники триумфально вошли в Париж. Однако исход кампании еще некоторое время вызывал сомнения. Наполеон прибыл в Фонтенебло и стягивал туда войска, намереваясь дать союзникам сражение. Уже 20 марта часть русских войск двинулась из Парижа по дороге к ставке французского императора³⁶. Но великий полководец не испытывал страха и готовился одержать верх в борьбе с превосходящим противником, выбить его из Парижа. Он созвал верных маршалов, чтобы объявить им свое реше-

ние, но его соратники внезапно отказались слушаться и потребовали отречения. 25 марта Наполеон отрекся от престола. Война была окончена.

Александр I по поводу победоносного окончания войны произвел щедрые награждения. М.Б. Барклай де Толли в день капитуляции Парижа был произведен в фельдмаршалы. В числе прочих был награжден и Н.Н. Раевский: ему достался орден Св. Георгия 2-го класса. А.Н. Самойлов был уверен, что племянник заслуживает большего. «Я желаю, мой друг, – писал он ему 22 апреля, – чтобы в скором времени мог я прислать к вам знаки и Андреевского ордена, в том я и не сомневаюсь: заслуги ваши давно уже готовили вам таковое награждение». Он всерьез озабочен материальным положением племянника: «Теперь, мой друг, надобно помыслить вам о положении хозяйственных дел ваших, чтобы при всех наружностях, оказывающих заслуги ваши Государю и Отечеству, имели вы как для себя, так и для детей ваших безнужное состояние»³⁷.

Скрепя сердце, Николай Николаевич внял настоятельным внушениям дяди. 23 июня один из агентов сообщил графу А.А. Аракчееву: «Раевскому на оплату долгов пожалован один миллион рублей заимообразно (нынче не просят уже тысячами)»³⁸. Получение такой большой суммы можно объяснить следующим: Раевский уже не смог бы просить вторично.

Ю.Л. ЖМОДИКОВ

САРАТОВЦЫ В РЯДАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

По окончании Отечественной войны 1812 г. вопреки обещаниям манифеста Александра I от 18 (30) июля 1812 г. о сборе ополчения, что «по прошествии надобности, то есть по изгнанию неприятеля из земли НАШЕЙ, всяк [ополченец. – Ю.Ж.] возвратится с честью и славой в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям», ополчения не были распущены. Они продолжали использоваться в боевых действиях вместе с регулярными войсками. Ополчение С.-Петербургской губернии с лета 1813 г. и до окончания военных действий

весной 1814 г. распределялось следующим образом: 15 дружин состояли в корпусе, осаждавшем Данциг, еще одна дружина осталась в пограничном городе Юрбург в качестве гарнизона, а 2 конных полка и причисленные к Петербургскому ополчению 2 батальона Олонекских и Вологодских стрелков находились в составе главных сил союзных войск.

Офицерский состав С.-Петербургского ополчения комплектовался в основном из чиновников и отставных военных, проживавших в Петербурге или других городах губернии и изъя-

³⁵ Писарев А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 389, 392.

³⁶ Записки полковника А.К. Карпова. С. 50.

³⁷ Архив Раевских. СПб., 1909. Т. 1. С. 211–212.

³⁸ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 567.